

УДК 821.161.1

Е. М. Болдырева

<https://orcid.org/0000-0003-2977-726>

Мотивные переключки в поэзии Б. Пастернака и Ван Цзясиня

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М. Мотивные переключки в поэзии Б. Пастернака и Ван Цзясиня // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 34–44. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-34-44

В статье рассматривается творчество китайского поэта Ван Цзясиня (на материале не переведенных на русский язык произведений), названного критиками «китайским Пастернаком», как характерный пример духовного и художественного влияния творчества Пастернака на современную китайскую поэзию. При сопоставлении произведений Бориса Пастернака и Ван Цзясиня выявляется множество значимых для художественного мира поэтов мотивных и образных переключек (мотивы горящей свечи, снега и метели, сада, грозы, моря, дождя), но одним из наиболее ярких образов, общих для Пастернака и Цзясиня, является образ ветра. В статье выявляются общие для обоих поэтов символические коннотации данного образа: антропоморфизация ветра, ветер как медиатор между телом человека и миром, ветер как вселенская всепроникающая сущность, пантеистически растворенная в мироздании, объединяющая сила, способствующая слиянию частных в единый космос, хранитель культурной памяти, осуществляющий связь времен и поколений, ветер как язык искусства, стихия в поисках средств вербализации, ветер как символ преобразующей силы искусства, символ исторических потрясений, ветер как универсальная метафизическая сила, управляющая миром и др. В статье рассматриваются интертекстуальные связи творчества Вана Цзясиня с «ветровым текстом» китайской поэзии на примере поэзии танской эпохи и лирики поэтов 20–40 гг. XX века. В статье делается вывод, что ветер Пастернака – это важнейшая составляющая его поэтического природного космоса, воплощение стихийно-игрового, радостного, жизнеутверждающего творческого начала, ветер же Ван Цзясиня – более суровая, таинственная и неодолимая стихия, это не только отражение значимых для поэта мировоззренческих констант, но и своего рода «литературный ветер», аккумулирующий в себе множественные культурные коннотации, отражающий и «ветровые песни» классической китайской поэзии, и «ветренность» поэтической вселенной Пастернака, а творческий диалог Ван Цзясиня и Б. Пастернака не только демонстрирует глубинную связь китайской и русской поэтических традиций, но и позволяет по-новому взглянуть на поэзию Пастернака, увидев ее блистательное отражение в лирическом зеркале Ван Цзясиня.

Ключевые слова: Ван Цзясинь, Б. Пастернак, русская литература XX века, китайская литература, поэтический космос, символ, лирический герой, мотив, философия природы, концепция фэн лю.

Е. М. Boldyreva

Motive echoes in the poetry of B. Pasternak and Wang Jiaxin

The article considers the work of the Chinese poet Wang Jiaxin (based on the works not translated into Russian), called by critics «Chinese Pasternak», as a characteristic example of the spiritual and artistic influence of Pasternak's work on modern Chinese poetry. Comparing the works of Boris Pasternak and Wang Jiaxin we discover a lot of motifs and images that are significant for the poets' artistic world (motifs of burning candle, snow and snowstorm, garden, thunderstorm, sea, rain), but one of the most powerful images Pasternak and Jiaxin share is that of the wind. The article reveals symbolic connotations of this image common for both poets: anthropomorphization of the wind; wind as a mediator between the human body and the world; wind as a universal omnipresent entity, pantheistically dissolved in the universe, a unifying force that facilitates the merging of particularities into a single cosmos; the guardian of cultural memory, creating the link between times and generations; wind as the language of art, the element in search of means of verbalization; wind as a symbol of the transformative power of art, the symbol of historical upheavals; wind as a universal metaphysical force that governs the world, etc. This article examines the intertextual links of Wang Jiaxin's work with the «wind text» of Chinese poetry, using the poetry of the Tang era and the lyrics of the poets of the 20–40s of the XX century as examples. The article concludes that Pasternak's wind is the most important component of his poetic natural cosmos, the embodiment of spontaneous playful, joyful, life-affirming creativity, while Wang Jiaxin's wind is a more severe, mysterious and irresistible element; it is not only a reflection of some values significant for the

poet, but also a kind of «literary wind» that accumulates multiple cultural connotations and reflects both «wind songs» of classical Chinese poetry and the «windiness» of Pasternak's poetic universe, and the creative dialogue between Wang Jiixin and Pasternak not only demonstrates a profound connection of Chinese and Russian poetic traditions, but also allows us to take a new look at Pasternak's poetry, seeing its brilliant reflection in Wang Jiixin's lyrical mirror.

Keywords: Wang Jiixin, B. Pasternak, Russian literature of the twentieth century, Chinese literature, poetic space, symbol, lyrical hero, motif, philosophy of nature, concept of feng liu.

Введение

Исследование китайско-русского литературного диалога – одно из актуальных и перспективных направлений русского и китайского литературоведения, стремящегося выявить как влияние великой русской литературы на китайских писателей, так и уникальность преломления художественного опыта русских классиков в творчестве лучших китайских художников слова. «Лу Синь – китайский Гоголь», «Хай Цзы – китайский Есенин», Го Можо – китайский Маяковский», «Чжан Сяньлян – «китайский Шаламов» и т. д. Подобные формулы, объединяющие в типологические пары русских и китайских писателей и актуализирующие русско-китайские литературные связи, не раз появлялись в китайском и российском литературоведении» [Болдырева, 2020, с. 170]. По аналогии с этим китайский поэт Ван Цзясинь может быть назван «китайским Пастернаком», не случайно сам он заявлял, что «Среди первых десяти-двадцати [поэтов], повлиявших на меня – как китайских, так и зарубежных – находятся русские поэты: Пушкин, Цветаева, Мандельштам, Ахматова, Пастернак, Бродский» [Преобразующая сила языка..., 2016]. Творчество Ван Цзясиня – характерный пример духовного и художественного влияния творчества Пастернака на современную китайскую поэзию, а биографический и художественный материал дают основания для установления «литературного родства» двух поэтов. Исследование влияния Б. Пастернака на китайскую поэзию – одно из актуальных направлений как китайского литературоведения, так и отечественной синологии, и именно творчество Ван Цзясиня рассматривается критиками как наиболее яркое отражение пастернаковских традиций [Агеносов, Ли Иннань, 2019; Ли Иннань, Агеносов, 2019; Ван Юн, Виноградова, 2015; Протасова, 2011; 柏桦 2006; 柏桦 2008; 陈静 2014; 高昌旭 2017; 霍俊明 2008; 罗敏仪 2019; 李振声 2010].

Ван Цзясинь·王家新, автор семи поэтических сборников, десяти книг критических эссе и множества поэтических переводов в Китае (в том числе и стихотворений Пастернака) часто воспринимается

как одна из наиболее влиятельных фигур постмодернистской поэзии. Сейчас Ван Цзясинь преподает китайскую литературу в Народном университете, где он получил пост профессора в 2006 году, и возглавляет Международный писательский центр [Власова, 2016]. Б. Пастернака далеко не случайно можно рассматривать как один из важнейших литературных ориентиров для китайского поэта: по его словам, именно судьбы Пастернака и Ахматовой возбудили у него особое сочувствие, их стихи ему особенно близки: хотя «в поэзии западно-европейских стран я ощущаю свободу творчества, противоречивую силу и тесную связь между поэзией и современной жизнью человека, поэзия Пастернака и Ахматовой... больше, чем всяческие силы, потрясают до самой глубины мою душу» [Цит. по Ван Юн, Виноградова, 2015, с. 100]. Ван Цзясинь является автором двух длинных стихотворений Варькинская баллада: Пастернак·瓦雷金诺叙事曲 (1989) и Пастернак·帕斯捷尔纳克 (1990). В одном из своих эссе он признаётся, что влияние русской поэзии на него никогда не ограничивалось формальным аспектом, но затрагивало более глубокие, ментальные, слои, порождая ощущение единства поэтических «дыханий и судеб» [Ван Цзясинь, 2015]. В стихотворении «Пастернак» (1990) он говорит том, что ощущает удивительное родство душ с русским поэтом и испытывает сходные переживания. В стихотворении «Баллада о Варькино – Пастернаку», наполненном искренней любовью к русскому поэту, Ван Цзясинь как бы перешагивает пространство и время и ощущает себя живущим в одну эпоху с Пастернаком, в этом стихотворении появляется знаменитый пастернаковский образ горящей свечи: «Свеча горит, Поэт пишет зимой, Вся Россия устала, Под его пером утихает Еще одна метель, Тихая ночь, Все, кто еще не уснул, будут удивлены красотой этого страдающего мира и моментами его покоя» [Цит. по 柏桦, 2006, с. 14] (Здесь и далее перевод мой – Е. Б.).

«Пастернаковский текст» в жизни и творчестве Ван Цзясиня – это не только влияние личности и биографии Пастернака на творческое самоопределение китайского поэта, но и система пастерна-

ковских реминисценций в стихотворениях Ван Цзясиня, общие для обоих поэтов мировоззренческие константы (философия природы, осмысление природы поэтического творчества, роль личности художника в переломные моменты истории, онтологический статус человека). При сопоставлении произведений Бориса Пастернака и Ван Цзясиня выявляется множество значимых для художественного мира поэтов мотивных и образных переключек (мотивы горящей свечи, снега и метели, сада, грозы, моря, дождя), но одним из наиболее ярких образов, общих для Пастернака и Цзясиня, является образ ветра, представленный в различных ипостасях и восходящий к значимой для Пастернака блоковско-пютчевской традиции.

Поэтическая семантика ветра в творчестве Б. Пастернака и Ван Цзясиня

Ветер в стихотворениях обоих поэтов **сначала возникает как конкретное природное явление**. Пастернаковский ветер появляется в разных лирических ситуациях: в бытовом контексте (сквозняк в доме), дача, имение, корабельная бухта, старый парк, деревня, он может дуть с севера или с юга, ветер у Ван Цзясиня тоже может быть сопряжен с разными локусами – темнеющий сад с надвигающейся грозой, пространство за окном поезда, опасные скалы или старый замок Скарборо у моря, это может быть осенний ветер, от которого горят на ветру кленовые листья или холодный ночной ветер, из-за которого люди не могут выйти со двора, ветер может непрерывно менять свое направление и дуть, как в стихотворении «Снежный фестиваль» то «по диагонали», то по вертикали, как бы падая сверху «с серого неба» [王家新]. Но практически сразу же **ветер утрачивает свой статус эмпирического образа и превращается в лейтмотив широкого масштаба, несущий в себе множество символических коннотаций и пребывающий вне пространства и времени**, как, например в стихотворении Пастернака «Десятилетье Пресни», где дующий с юга сирокко оборачивается тревогой, дующей с грядущего, или в стихотворении Ван Цзясиня «Скарборо», где морской ветер начинает кружиться «в поисках незабываемого», вырываясь из границ конкретного локуса прибрежного пейзажа: «Вне времени Пришел порыв ветра» [王家新].

У обоих поэтов мы видим своего рода **антропоморфизацию ветра**: в стихотворении Пастернака «Ветер» «И ветер, жалуясь и плача, Раскачивает лес и дачу» [Пастернак, 2004 б, с. 523], в стихотворении Ван Цзясиня «Смотреть» «дует ветер,

темный и беспомощный» [王家新], в стихотворении «Скарборо» ветер «срезает плоть замка», «ветер заставляя камни звать поколения» [王家新]. Правда, пастернаковский ветер в своей антропоморфной ипостаси не так суров и недосыгаем, как ветер Ван Цзясиня, у которого мы не встречаем веселого и дерзкого игрового контакта с космосом: ветер Пастернака часто оказывается озорником, гулякой: подобно есенинскому клену, который, одуревши в доску, обнимал березку, в стихотворении Пастернака «Ночной ветер» он бредет наугад с вечеринки с толпой ребят: «Только ветер бредет наугад Все по той же заросшей тропинке, По которой с толпою ребят Восвояси он шёл с вечеринки» [Пастернак, 2004 а, с. 163], а в стихотворении «До всего этого была зима» «Ветер за руки схватив, Деревя Гонят лестницей с квартир По дрова» [Пастернак, 2003, с. 122]. Но несмотря на это **философия природы Ван Цзясиня близка пастернаковской**: оба они считают себя частью природы, которую воспринимают в целостности, во взаимодействии всех ее элементов, в постоянном движении и в непрерывном единстве с человеком и человечеством. Именно поэтому у обоих поэтов возникает **мотив взаимной проницаемости внешнего и внутреннего мира, и ветер становится своего рода медиатором между телом человека и вселенной**. Это стремление «слиться с ветром» мы встречаем уже в раннем стихотворении Пастернака «Вокзал»:

И вот уж, за дымом вослед,
Срываются поле и ветер, –
О, быть бы и мне в их числе!» [Пастернак, 2003, с. 68].

В стихотворении «Ветер (о Блоке)» Пастернак **ощущает ветер как стихию, проникающую в тело и душу человека**: «Тот ветер, проникший под ребра» [Пастернак, 2004 а, с. 170], **как вселенскую всепроникающую сущность, пантеистически растворенную в мироздании, Душу мира**:

Тот ветер повсюду. Он – дома,
В деревьях, в деревне, в дожде,
В поэзии третьего тома,
В «Двенадцати», в смерти, везде [Пастернак, 2004 а, с. 170].

У Пастернака ветер проникает под ребра, у Ван Цзясиня в стихотворении «Изменение» доходит до костей («Ветер дошел до твоих костей» [王家新]), как бы реализуя пастернаковское стремление во всем дойти до самой сути, до осно-

ваний, до корней, до сердцевины. В этом же стихотворении Ван Цзясиня «просто ветреная ночь», в которой оказывается лирический герой, становится волшебной преображающей силой, превращая тело в пустую бочку, как бы освобождая его от всего брэнного и лишней суеты. Ветер растворяет разум в природной стихии, и измученный до неузнаваемости стареющий человек начинает просто качаться, подчиняя свое тело ритму природы и обретая тем самым блаженную гармонию:

Вы внезапно стареете
Измученный, до неузнаваемости
Борясь в клубах опавших листьев
Просто ветреная ночь
Бочка в теле такая пустая
Прогуливайся
Просто качайся [王家新]

Ветер у Пастернака – это **объединяющая сила, способствующая слиянию частных в единый космос, это единство, «преодолевающее отдельность и смерть»** [Жолковский, 2011, с. 370]. В стихотворении «Ветер»:

И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу.
Не каждую сосну отдельно,
А полностью все деревья [Пастернак, 2004 б, с. 523].

Или в стихотворении «Зеркало»:
Несметный мир семенит в месмеризме,
И только ветру связать,
Что ломится в жизнь и ломается в призме,
И радо играть в слезах [Пастернак, 2003, с. 118].

Ветер Ван Цзясиня тоже как бы заставляет людей **колебаться в едином ритме с мирозданием:**

Звук деревьев на ветру
Звуки людей и брызги автомобилей на расстоянии
Все в одном направлении [王家新]

Именно ветер оказывается у Ван Цзясиня той силой, которая способна очистить лирического героя от всего ненужного, суетного, мешающего познать подлинную сущность бытия и самого себя: так, в стихотворении «Воспоминание о летнем полдне» лирический герой слушает цикад, цепенеет в какой-то пустоте, и только когда начинает дуть осенний ветер, «ты наконец вспомнил, кто ты есть» [王家新].

Ветер у обоих поэтов раздвигает границы мироздания, пробирается в каждую складку

мировой материи, он вездесущ и всепроникающ. В стихотворении Пастернака «Осень» поэт обращается к ветру: «О вихрь, Общупай все глубины и дупла, Найди мою песню в живых!» [Пастернак, 2003, с. 210]. Точно так же в стихотворении Ван Цзясиня «Изменение»:

Ветер дует белыми облаками
Ветер делает небо выше и дальше
Ветер в трещинах плитки, везде, где ты не слышишь... [王家新]

Ветер появляется в стихотворениях Ван Цзясиня даже не как объект, воспринимаемый сознанием лирического героя, а как не зависящий от него феномен, он есть там, где его не слышат.

Ветер в поэзии Пастернака и Ван Цзясиня – это **хранитель культурной памяти, осуществляющий связь времен и поколений.** Великий ветер в стихотворении Ван Цзясиня «Скарборо» «заставляет камни звать поколения», заставляет вспомнить человека, «который раньше смотрел на маяк» [王家新], в стихотворении «Пастернаку» Ван Цзясинь обращается к поэту: «Но суждено читать ваши стихи с преданностью жизни через тысячи миль ветра и снега» [王家新] – так же, как и в стихотворении Пастернака «Ветер (о Блоке)» ветер становится катализатором воспоминаний о прошлом имения, «где жил еще дед-якобинец, Кристальной души радикал» [Пастернак, 2004 а, с. 169]:

Тот ветер, проникший под ребра
И в душу, в течение лет
Недоброю славой и доброй
Помянут в стихах и воспет [Пастернак, 2004 а, с. 170].

Ветер Ван Цзясиня воплощает в себе и память литературную: стремительно прорываясь сквозь границы разных эпох, он вызывает в сознании лирического героя воспоминания о художественных мирах тех поэтов, с которыми он ощущает глубинное родство; так, в стихотворении «Вечерняя прогулка по Неве» Ван Цзясиня «Только ветер дует бесконечно, только волны стучат, как у Пушкина или затянувшаяся рифма из стихотворения Ахматовой» [王家新].

«Быть художником – значит выдерживать ветер из миров искусства» [Блок, 2010, с. 129] – эти блоковские коннотации, связывающие ветер и искусство, мы также встречаем в лирике русского и китайского поэтов. Ветер у Пастернака и Ван Цзясиня – это не беспечная ярость, не эгоистическое самоутверждение, а поиск слова, **ветер – это**

язык искусства, стихия в поисках воплощения, в поисках средств вербализации («Одна из своеобразнейших черт пастернаковского видения природы – стремление определить через нее сущность поэзии и вдохновения» [Эпштейн, 1990, с. 251]). В пастернаковском стихотворении «Ветер» ветер раскачивает весь мир «со всею далью беспредельной»:

И это не из удальства
Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной [Пастернак, 2004б, с. 523].

В стихотворении «Осень» поэт обращается к ветру с призывом: «Найди мою песню в живых!» [Пастернак, 2003, с. 210]. **Ветер в поисках языка поэзии, ветер как символ преображающей силы искусства** появляется и в стихотворении Ван Цзясиня «Изменение»:

Ты поворачиваешься, небо
Под ветром
На удивление синее... [王家新]

В стихотворении «Скарборо» Ван Цзясинь демонстрирует синхронность процесса творчества со звуками великого морского ветра и преображающую силу ветра по отношению к словам:

Когда я хочу написать стихотворение
Камень все еще звенит
И слова краснеют на соленом ветру ... [王家新]

А в стихотворении «Путешественник» ветер становится **катализатором рефлексии и творческого вдохновения лирического героя**:

Иногда в поезде, когда дует ветер, я думаю
И достаю записную книжку... [王家新]

Наконец, одной из важнейших символических коннотаций ветра в творчестве обоих поэтов становится ветер **как символ исторических потрясений, ветер как дионисийская стихия, универсальная метафизическая сила, управляющая миром**. И, безусловно, ветер – «сквозной» образ поэзии Блока – осознанно был перенят Пастернаком со всей его символической нагрузкой и в последствии отождествлен с фигурой Блока. Ветер в позднем творчестве Александра Блока неразрывно соединен с приходом «нового» времени и сопрягает в себе мир природы и неумолимое движение исторического потока времени. «В «ветренности» «Четырех отрывков» Пастернак объединяет личность Блока и пережитое им время, отразив-

шееся в его стихах: Блок, чья поэтическая натура подобна ветру, соотносится с эпохой революции, т. е. «ветром перемен», открывающим поэму «Двенадцать» [Лукашенко, 2017, с. 225]:

Когда ж над большою столицей
Край неба так ржав и багрян,
С державою что-то случится,
Постигнет страну ураган.
Блок на небе видел разводы.
Ему предвещал небосклон
Большую грозу, непогоду,
Великую бурю, циклон [Пастернак, 2004а, с. 171].

Не случайно в стихотворении «Пастернак» Ван Цзясинь, обращаясь к русскому поэту, утверждает:

Так же, как и вам, придется терпеть более
Сильный ветер и снег

Чтобы удержать вашу Россию, [王家新]

Ветер как стихия, ветер исторических катаклизмов, ветер как испытание предстает перед нами в стихотворении Ван Цзясиня «Изменение»:

Держись устойчиво, пора держаться на ветру
Или пора полностью сдаться [王家新]

В стихотворении «Написанное на пике восхождения в гору» лирический герой ищет возможные пути преодоления жизненных трудностей в способности противостоять ветру: «Может быть, постоять минут пять против ветра и все будет иначе» [王家新], однако это противостояние почти всегда нереализуемо: **ветер Ван Цзясиня, как блоковская музыка революции, вне категорий добра и зла, его нужно воспринять как данность, ибо противостоять ему бессмысленно, нужно научиться жить в мире, пронизанном ветрами или сдаться и утратить самого себя**.

Символика ветра в творчестве Ван Цзясиня в контексте классической китайской поэзии

В работах китайских литературоведов, рассматривающих своеобразие поэтической рецепции Ван Цзясинем творчества Пастернака, неизменным объектом исследования являются два стихотворения Ван Цзясиня: «Пастернак» и «Варькинская баллада: Пастернаку», по отношению к которым правомерность подобного сопоставления неоспорима, поскольку фигура Пастернака заявлена в качестве поэтического адресата. Анализ же поэтической семантики образа ветра (и других общих для обоих поэтов образов) в творчестве Б. Пастернака и Ван Цзясиня неизбежно вызывает

вопрос, каковы причины подобных мотивных перекличек: это непосредственное влияние лирики Пастернака на китайского поэта или закономерное типологическое схождение, обусловленное общностью исторических обстоятельств развития русской и китайской литератур XX в. Безусловно, рассмотрение генезиса пастернаковских образов в творчестве Ван Цзясиня как прямого отражения творчества русского поэта было бы односторонним, поскольку творчество Ван Цзясиня, (получившего образование на факультете китайской филологии Уханьского университета, в ныне работающего профессором Института литературы Китайского народного университета и преподающего сравнительное исследование китайской и западной современной поэзии и писательское мастерство) оказывается своего рода палимпсестом, и сквозь его тексты постоянно просвечивают не только поэтические константы пастернаковского художественного мира (ветер, снег, метель, зима, зимняя ночь, сад, гроза и др.), но и мировоззренческие устойчивые символы и традиционные речевые формулы классической китайской пейзажной поэзии (например, в стихотворении Ван Цзясиня «Вулканическая скала Датун» воссоздается один из частотных образов китайской пейзажной поэзии – колыхания ветром цветов: «Ветви диких хризантем колышутся на ветру» [王家新]). Образ ветра – один из наиболее частотных природных образов в традиционной китайской поэзии и один из значимых элементов древней китайской философии. В ветре Ван Цзясиня явно ощущается древнее дыхание сложившегося в символике традиционной китайской поэзии Духа ветра и потока как состояния полной внутренней свободы, раскованности, естественности, творческого вдохновения в слиянии с природой. Поэтому для Ван Цзясиня как для подлинного художника, впитавшего в себя неповторимый дух классической китайской поэзии, неотъемлемым условием творчества оказывается следование концепции фэн лю. «Фэн лю – 風流 ветер и поток. Эстетический идеал, стиль мышления, поведения и творчества, сложившийся в период Шести династий (Лю чао, III–IV вв.). Входящий в это сочетание иероглиф фэн (ветер, веяние, поветрие, нрав) подразумевает естественное движение мировой идеально-материальной субстанции – «пневмы», проявляющееся в самых разных сферах бытия на уровнях индивидуума, общества (ср. фэнсюй – манеры, фэнси – нравы и обычаи, «Го фэн» – «Нравы царств» и т. п.) и природы. Второй иероглиф – лю (поток, течение) указывает на аналогию

с движением воды, которая в китайской культуре метафорически (а нередко вполне натуралистически) отождествляется с «пневмой» и дао» [Духовная культура Китая, с. 471]. В сфере императивов индивидуального действия и творчества эстетическим ценностям фэн лю соответствовало «сохранение внутренней свободы, внерефлективная чуткость к движениям дао в мистических глубинах человеческого духа» [Духовная культура Китая, 2006, с. 471]. Именно отсюда проистекает органическое для Ван Цзясиня слияние ветра с дыханием человека и со всем его существом как залог рождения подлинного искусства: «В каноне фэнлю <...> художник творит как дышит. Включение своего «я» в бесконечный, вечно меняющийся поток, <...> важнейшая этическая норма в рамках канона фэнлю» [Завадская, 1973, с. 83]. Воздействие ветра на лирического героя Ван Цзясиня «было аналогично действию музыки, танца, ритму повторяющегося заклинания – мантры; оно вырывало человека из-под власти реальности, погружало в состояние транса», когда он оказывался «вместе со стихиями Инь и Ян в их потоке, созвучный первоизначальности изначального эфира» [Лисевич, 1979, с. 37], поэтому, уподобляясь ветру и потоку, лирический герой Ван Цзясиня открывает им путь в свое сердце, дабы слиться с мирозданием, обрести гармонию внутреннего и внешнего.

«Творчество Ван Цзясиня принадлежит к одной из двух великих традиций классической китайской поэзии – гражданской традиции танского поэта Ду Фу (712–770 н. э.), лирический герой которого ощущает свою моральную ответственность за судьбу Поднебесной (другая столь же великая традиция идет от неудержимой фантазии и романтического полета души поэта Ли Бо (годы жизни 701–762/763 н. э.))» [Агеносов, Ли Иннань, 2019, с. 59]. В многоликих ветрах Ван Цзясиня постоянно проступают образы поэзии как Ду Фу, так и (в меньшей степени) Ли Бо. Ван Цзясинь далек от того безмятежного умиротворения летним днем в горах, которое испытывает лирический герой Ли Бо («Сосновый ветер льется мне на грудь» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 28]) или его отшельник Юань Даныцю живущий в горах, не ведающий «ни дряг ни ссор» и слушающий пение ветерка: «И ручейка он слышал звон, и песенки ветерка» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 30]. Это спокойное умиротворение бездумного слияния с органическим природным миром, скорее, перекликается с пастернаковскими «Соснами»:

В траве, меж диких бальзаминов,
Ромашек и лесных купав,
Лежим мы, руки запрокинув
И к небу головы задрав.
Трава на просеке сосновой
Непроходима и густа.
Мы переглянемся и снова
Меняем позы и места.
И вот, бессмертные на время,
Мы к лику сосен причтены [Пастернак, 2004а, с. 107].

Ветер же Ван Цзясиня, как и ветер в творчестве двух гениев танской эпохи – это холодный северный ветер, бешено свистящий ночной ветер – именно такой ветер неоднократно встречается в стихотворениях Ли Бо: «Здесь северный снег Пролетает средь облачной мглы И, следуя ветру, Несется за берег морской». [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 41] «И ветви под резким ветром в ночи Качаются и трещат» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 75], «Только северный ветер Свистит, свирепея в ночи» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 76], «Осенний ветер во дворах Всю ночь свистеть не устает» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 83]. Ветер Ду Фу – это тоже «бушующий ветер», ударяющий в борта лодки [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 113], лирический герой постоянно стоит на «неистовом ветру» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 116], живет в мире, где «свистят ледяные ветра» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 116], или «свистят зимние ветры» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 136], наклоняя макушки цветка – лесной ясноглазки, в мире Ду Фу «осенние ветры тоску нагоняют и страх» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 152], «вздывает ветер темных волн поток [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 185], «о берег ветер бьется» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 195], «стремителен ветер, и небо высоко» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 197], осенний ветер Ду Фу безжалостно ломает камышовую крышу хижины поэта; «Осенний ветер Дует все сильней, Дела свои Разбойничьи верша. Он с тростниковой Хижины моей Сорвал Четыре слоя камыша» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 173]. В поэзии Ван Цзясиня мы тоже не встретим теплого ласкающего ветерка, его ветер предстает перед нами в разных стихотворениях как северный, холодный, резкий, осенний, ночной, он швыряет о берег морские камни в Скарборо, заставляет дрожать от холода кленовые листья, предвещает надвигающуюся грозу и кружит клубы снега в небе над Пекином.

Ветер Ван Цзясиня, часто сопряженный с ситуацией подлинного творческого вдохновения и сам являющийся символом этого творчества, перекликается с многими стихотворениями Ли Бо,

такими, например, как «Лиловая глициния», где ветер как символ творчески преобразующего взгляда поэта способен остановить мгновение и возвести его в ранг божественного произведения искусства: «И ароматный легкий ветерок Красавицу внезапно остановит, Хотя б на миг – на самый краткий срок» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 42]. Подобно тому, как появление ветра у Ван Цзясиня заставляет путешественника схватиться за карандаш и записную книжку, а соленый морской ветер в Скарборо становится толчком для творческого вдохновения, у Ли Бо свежий ветер и одинокая ночная тишина на западной башне в городе Цзиньлин тоже становились оптимальной лирической ситуацией для творчества, когда поэт читает стихи под луной: «В ночной тишине Цзиньлина Проносится свежий ветер, Один я всхожу на башню». [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 46], а ветер как транслятор искусства разносит песню поэта «по далям необозримым» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 54]. В стихотворении Ли Бо «Песни осеннего берега» ветер становится катализатором воспоминаний: «Но подуют ветра – И как будто я снова в Чанша» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 53], ветер в стихотворении «Луна над горной заставой» соединяет времена и пространства: над горами Тяньшань «резкий ветер, пронесшийся Сотни и тысячи ли, Дует здесь, на заставе, От родины нашей вдали [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 61], так же, как и у Ван Цзясиня лирический герой, оказавшийся во власти бесконечного ветра, вспоминает бьющиеся о берег пушкинские волны или людей, живших здесь много лет назад.

Но, безусловно, ближе Ван Цзясиню оказывается ветер в поэзии Ду Фу – это всегда активная стихия, бунтующая, неукротимая. Ветер неспособна усмирить даже попытка заключить его в «клетку искусства»: в стихотворении Ду Фу «Картина, изображающая сокола» «с белого шелка вздымаются ветер и холод» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 100], ветер, подобно соколу, в любой момент готов рвануться и отдаться упоению битвы. Лирический герой Ван Цзясиня призывает учиться устойчиво держаться на ветру, учиться терпеть сильный ветер и снег, чтобы выжить и «удержать Россию», как и герои Ду Фу постоянно боролись с ветром, стремясь «сквозь ветер и ненастье» перейти плавающий мост [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 125], а влюбленные, разлученные ветром и снегом («И снег и ветер Разделяли нас». [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 125], стремились преодолеть эту роковую разединенность. Эти постоянно звучащие призывы противостоять ветру в лирике Ду Фу зачастую

соотнесены с конкретными бытовыми ситуациями («Жена-старуха На ветру рыдает [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 146]»), в восприятии ветра у Ду Фу преобладают социально-политические обертона, он мечтает построить огромный дом для обиженных судьбой бедняков, «чтоб не бояться ветра и дождя» [Ли Бо, Ду Фу, 1987, с. 176], тогда как у Ван Цзясиня это противостояние почти всегда лишено конкретной социальной окраски и выведено в экзистенциальную плоскость.

Кроме реминисценций из классической китайской поэзии, образ ветра Ван Цзясиня в этой ипостаси символа социальных потрясений и жизненных испытаний, которые должен пройти человек, чтобы выстоять в переломные исторические моменты, отсылает и к системе художественных образов китайской поэзии начала XX века, где этот природный символ становится метафорой революционной стихии – как в лирике Блока и «блоковских текстах» Пастернака – когда «в стихотворениях китайских поэтов, созданных в пореволюционные годы, мы также можем обнаружить мотив разрушения мира ветром и огнем, перекликающихся с блоковским «мировым пожаром» [Ван Вэньцзянь, 2006, с. 176]. Так, в стихотворении «В Москве» поэта Ин Сюжэня, профессионального революционера, члена Лиги левых писателей Китая, ветер становится воплощением революционной стихии и поразительно напоминает строки из поэмы Блока «Двенадцать»:

Ветер крепок,
Снег глубок,
Сильный ветер валит с ног.
Мы идем – в руке рука,
И дорога нам легка.
Ветер щеки жжет и лоб,
За сугробом встал сугроб.
Мы идем – к плечу плечо, —
Нам легко и горячо! [Поэзия и проза Китая... 2002: 73].

Многочисленные образы холодного, резкого северного ветра, от которого страдает человек в поэзии Ван Цзясиня («Дует ветер... Ветер такой холодный, что люди не могут выйти со двора» [王家新]) перекликаются с такими же образами в поэзии многих активных участников «Движения 4 мая», таких, например, как Лю Бань-нун, который в стихотворении «Коврик» пишет «Тащится рикша, струится пот, дует северный ветер Холодно» [Сорок поэтов..., 1978, с. 40], или Го Можо, у которого в стихотворении «Темная ночь» ветер – часть трагической картины природы, а люди му-

чаются от ветра и холода: «Небо сумрачно и сыро, зябнут люди в непогоду, стонет ветер в чаще леса [Го Можо, 1990, с. 50]. Подобные интертекстуальные нити, связывающие творчество Вана Цзясиня с «ветровым текстом» китайской поэзии, можно протягивать до бесконечности. Обретя свое поэтическое дыхание в недрах золотого века танской эпохи, пронесясь сквозь много веков и получая в каждый период новые символические коннотации, этот «ветер искусства» вновь являет себя миру в поэтической вселенной Ван Цзясиня, обогащая его пастернаковские реминисценции многовековой мудростью китайской культуры.

Заключение

Подводя итоги рассмотрению мотивных переключек поэзии Б. Пастернака и Ван Цзясиня, можно сделать вывод, что ветер Пастернака – это важнейшая составляющая его поэтического природного космоса, воплощение стихийно-игрового, радостного, жизнеутверждающего творческого начала, в поздней лирике впитавший блоковские коннотации «музыки стихии», ветер же Ван Цзясиня – более суровая, таинственная и неодолимая стихия, это не только отражение значимых для поэта мировоззренческих констант, но и своего рода «литературный ветер», аккумулирующий в себе множественные культурные коннотации, отражающий и «ветровые песни» классической китайской поэзии, и «ветренность» поэтической вселенной Пастернака. Рассматривая проблему поэтического диалога Пастернака и Ван Цзясиня, китайский литературовед Бай Хуа отмечал, что в китайской поэтической традиции распространена метафора поиска «слышащего звука» друга, иначе говоря, человека (может быть, даже незнакомого), способного услышать звуки души поэта [Бай Хуа, 2011]. Для Ван Цзясиня, замороженного звуками музыки пастернаковского ветра, таким другом и был Пастернак, и их поэтический диалог не только демонстрирует глубинную связь китайской и русской поэтических традиций, но и позволяет по-новому взглянуть на поэзию Пастернака, увидев ее блистательное отражение в лирическом зеркале Ван Цзясиня.

Библиографический список

1. Агеносов В. В., Ли Иннань. Борис Пастернак в творчестве новых китайских поэтов (на примере стихотворений Ван Цзясиня) // Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries: научный журнал. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. № 2 (2). С. 58–70.

2. Бай Хуа. Ван Цзясинь и Пастернак // Лилунь пинлунь. 19.12.2011. URL: www.ilf.cn/theo/72690.html (дата обращения: 12.01.2021).
3. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 8: Проза (1908–1916). Москва: Наука, 2010. 586 с.
4. Болдырева Е. М. Российско-китайский культурный диалог: Го Можо – «китайский Маяковский» // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 169–182.
5. Ван Вэньцян. Образы ветра в русской и китайской поэзии начала XX века // Язык, культура, менталитет проблемы изучения в иностранной аудитории материалы V Междунар научно-практ конф. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им А И Герцена, 2006. С. 175–177.
6. Ван Цзясинь. Китайская баллада. Проект «Стихо(т)ворье 诗江湖» Юлия Дрейзис. URL: <https://versevagrant.com/2015/11/03/ван-цзясинь-китайская-баллада/> (дата обращения: 14.01.2021).
7. Ван Юн, Виноградова О. В. Китайская современная поэзия и русская поэзия модернизма и постмодернизма: влияния и аналогии. Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). В 15 т. Т. 14. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2015. С. 97–106.
8. Власова М. «Я возвратил Цветасву Цветасовой. В Музее Серебряного века выступил китайский поэт Ван Цзясинь». URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-07-21/3_vlasova.html (дата обращения: 14.01.2021).
9. Го Можо. Сочинения: Стихотворения. Драммы. Повести и рассказы / сост. и вступ. ст. Н. Федоренко. Москва: Художественная литература, 1990. 623 с.
10. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. Москва: Вост. лит., 2006. 727 с.
11. Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 608 с.
12. Завадская Е. В. Эстетический канон жизни художника – фэнлю (ветер и поток) // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. Сборник статей. Москва: Наука, 1973. 254 с. С. 82–90.
13. Ли Бо, Ду Фу. Избранная лирика. Перевод с китайского. Москва: «Детская литература», 1987. 216 с.
14. Ли Иннань, Агеносов В. В. Пастернак в Китае: переводы и восприятие творчества // Журнал Знание-Сила. 2019. № 9. С. 82–89. URL: <https://znanie-sila.ru/magazine/pasternak-v-kitae-perevody-i-vospriyatie-tvorchestva/> (дата обращения: 14.01.2021).
15. Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. Москва: Наука, 1979. 266 с.
16. Лукашенко Л. В. Мотив ветра в книге «Когда разгуляется»: к теме Пастернак и Блок // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2017. Том 18. № 2. С. 221–230.
17. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1912–1931. Москва: Слово, 2003. 573 с.
18. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 2. Спекторский; Стихотворения. 1930–1959. Москва: Слово, 2004а. 525 с.
19. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 4. Доктор Живаго: роман. Москва: Слово, 2004б. 756 с.
20. Поэзия и проза Китая XX века: о прошлом – для будущего / сост. Г. Б. Ярославцев и Н. В. Захарова. Москва: Центрполиграф, 2002. 686 с.
21. Преобразующая сила языка. Интервью с Ван Цзясинем. Проект «Стихо(т)ворье 诗江湖» Юлия Дрейзис URL: <https://versevagrant.com/2016/02/05/преобразующая-сила-языка-интервью-с-в/> (дата обращения: 14.01.2021).
22. Протасова Н. В. Влияние творчества Б. Пастернака на поэзию Ван Цзясиня // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. № 8. С. 79–82.
23. Сорок поэтов: китайская лирика 20–40 годов / пер. с кит. Л. Е. Черкасского. Москва: Наука, 1978. 341 с.
24. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. Москва: Высшая школа, 1990. 303 с.
25. 王家新诗选. Электронный ресурс. URL: <http://www.shigeku.org/shiku/xs/wangjiaxin.htm> (дата обращения: 14.01.2021)
26. 柏桦. 心灵与背景: 共同主题下的影响—论帕斯捷尔纳克对王家新的唤醒 [J]. 江汉大学学报 (人文科学版) · 2006 (3).
27. 柏桦. 从模仿到互文—论帕斯捷尔纳克对王家新的唤醒 [J]. 中外文化与文论 · 2008 (1).
28. 陈静. 诗意的检验: 论帕斯捷尔纳克精神对中国当代抒情诗之影响 [J]. 新疆大学学报 (哲学·人文社会科学版), 2014 (2).
29. 高昌旭. 瓦雷金诺的生命之音: 论《日瓦戈医生》组诗的艺术特色 [J]. 名作欣赏 · 2017 (21).
30. 霍俊明. 在寒冷的雪中让内心和时代发声—王家新《帕斯捷尔纳克》欣赏 [J]. 名作欣赏, 2008 (21).

31. 罗敏仪. 不合时宜的同时代人 – 论王家新诗歌中“雪”的意象 [J]. 铜陵职业技术学院学报, 2019 (3).
32. 李振声. “它在要求一个对称”:王家新的踟蹰和犹豫 – 重读《帕斯捷尔纳克》 [J]. 《长沙理工大学学报(社会科学版)》, 2010(6).

Reference List

1. Agenosov V. V., Li Innan'. Boris Pasternak v tvorčestve novyh kitajskih pojetov (na primere stihotvorenij Van Czjasinja) = Boris Pasternak in the work of modern Chinese poets (based on Wang Jiaxin's poems) // Mir russkogovorjashchih stran = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries: nauchnyj zhurnal. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. № 2 (2). S. 58–70.
2. Baj Hua. Van Czjasin' i Pasternak = Wang Jiaxin and Pasternak // Lilun' pinlun'. 19.12.2011. URL: www.ilf.cn/theo/72690.html (data obrashhenija: 12.01.2021).
3. Blok A. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. 8: Proza (1908–1916) = The Complete Works and Letters: in 20 vols. Vol. 8: Prose (1908–1916). Moskva : Nauka, 2010. 586 s.
4. Boldyreva E. M. Rossijsko-kitajskij kul'turnyj dialog: Go Mozho – «kitajskij Majakovskij» = Russian-Chinese cultural dialogue: Guo Mozho – the «Chinese Mayakovsky» // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2020. № 4 (115). S. 169–182.
5. Van Vjen'čjan'. Obrazy vetra v ruskoj i kitajskoj poezii nachala XX veka = Images of wind in the early 20th century Russian and Chinese poetry // Jazyk, kul'tura, mentalitet problemy izučeniya v inostrannoju auditorii materialy V Mezhdunar nauchno-prakt konf. Sankt-Peterburg : Izd-vo RGPU im A I Gercena, 2006. S 175–177.
6. Van Czjasin'. Kitajskaja ballada. Proekt «Stiho(t)vor'e 诗江湖» Julija Drejzisa = A Chinese ballad. Project «Poe(m)aking 诗江湖» by Julia Draizis. URL: <https://versevagrant.com/2015/11/03/van-czjasin'-kitajskaja-ballada/> (data obrashhenija: 14.01.2021).
7. Van Jun, Vinogradova O. V. Kitajskaja sovremennaja poezija i russkaja poezija modernizma i postmodernizma: vlijanija i analogii. Russkij jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury = Modern Chinese poetry and Russian poetry of modernism and postmodernism: influences and analogies. The Russian Language and Literature in the Space of World Culture // Materialy XIII Kongressa MAPRJaL (g. Granada, Ispanija, 13–20 sentjabrja 2015 goda). V 15 t. T. 14. Sankt-Peterburg : MAPRJaL, 2015. S. 97–106.
8. Vlasova M. «Ja vozvratil Cvetaevu Cvetaevoj. V Muzeje Serebrjanogo veka vystupil kitajskij pojet Van Czjasin'» = «I gave Tsvetaeva back to Tsvetaeva. The Chinese poet Wang Jiaxin made a speech at the Silver Age Museum». URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2016-07-21/3_vlasova.html (data obrashhenija: 14.01.2021).
9. Go Mozho. Sochinenija: Stihotvorenija. Dramy. Povesti i rasskazy = Essays: Poems. Dramas. Novellas and short stories / sost. i vstup. st. N. Fedorenko. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. 623 s.
10. Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija: v 5 t. = Spiritual Culture of China: Encyclopaedia: in 5 vols. / Gl. red. M. L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka. T. 1. Filosofija / red. M. L. Titarenko, A. I. Kobzev, A. E. Luk'janov. Moskva : Vost. lit., 2006. 727 s.
11. Zholkovskij A. K. Pojetika Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty = Pasternak's Poetics: Invariants, Structures, Intertexts. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 608 s.
12. Zavadskaja E. V. Jestetičeskij kanon zhizni hudozhnika – fjenlju (veter i potok) = The aesthetic canon of the artist's life – feng liu (wind and flow) // Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki. Sbornik statej. Moskva : Nauka, 1973. 254 s. S. 82–90.
13. Li Bo, Du Fu. Izbrannaja lirika. Perevod s kitajskogo = Selected poems. Translated from Chinese. Moskva : «Detskaja literatura», 1987. 216 s.
14. Li Innan', Agenosov V. V. Pasternak v Kitae: perevody i vosprijatie tvorčestva = Pasternak in China: translations and perceptions of creativity // Zhurnal Znanie-Sila. 2019. № 9. S. 82–89. URL: <https://znanie-sila.ru/magazine/pasternak-v-kitae-perevody-i-vosprijatie-tvorčestva> (data obrashhenija: 14.01.2021).
15. Lisevich I. S. Literaturnaja mysl' Kitaja na rubezhe drevnosti i srednih vekov = Literary thought in China at the turn of the ancient times and Middle Ages. Moskva : Nauka, 1979. 266 s.
16. Lukashenko L. V. Motiv vetra v knige «Kogda razguljaetsja»: k teme Pasternak i Blok = The wind motif in 'When it clears up': On Pasternak and Blok // Vestnik ruskoj hristianskoj gumanitarnej akademii. 2017. Tom 18. № 2. S. 221–230.
17. Pasternak B. L. Polnoe sobranie sochinenij: V 11 t. T. 1. Stihotvorenija i pojemy. 1912–1931 = Complete Works: In 11 vols. Vol. 1. Verses and Poems. 1912–1931. Moskva : Slovo, 2003. 573 s.
18. Pasternak B. L. Polnoe sobranie sochinenij: V 11 t. T. 2. Spektorskij; Stihotvorenija. 1930–1959 = Complete Works: In 11 vols. Vol. 2. Spektorsky; Poems. 1930–1959. Moskva : Slovo, 2004a. 525 s.
19. Pasternak B. L. Polnoe sobranie sochinenij: V 11 t. T. 4. Doktor Zhivago: roman. = Complete Works: In 11 vols. Vol. 4. Doctor Zhivago: A Novel. Moskva : Slovo, 2004b. 756 s.
20. Pozejija i proza Kitaja XX veka: o proshlom – dlja budushhego / sost. G. B. Jaroslavcev i N. V. Zaharova = Poetry and Prose of the 20th century China: about the past – for the future / by G. B. Yaroslavtsev and N. Zakharova. Moskva : Centrpoligraf, 2002. 686 s.
21. Preobrazujushhaja sila jazyka. Interv'ju s Van Czjasinem. Proekt «Stiho(t)vor'e 诗江湖» Julija Drejzisa =

The transforming power of language. An interview with Wang Jiabin. Project «Poe(m)aking 诗江湖» by Julia Draizis.

URL: <https://versevagrant.com/2016/02/05/preobrazujushhaja-sila-jazyka-interv'ju-s-v/> (data obrashhenija: 14.01.2021).

22. Protasova N. V. Vlijanie tvorcestva B. Pasternaka na poeziju Van Czjasinja = The influence of B. Pasternak's work on Wang Jiabin's poetry // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ulan-Udje : Izd-vo BGU, 2011. № 8. S. 79–82.

23. Sorok pojetov: kitajskaja lirika 20–40 godov = Forty Poets: Chinese Poetry of the 20s – 40s / per. s kit. L. E. Cherkasskogo. Moskva : Nauka, 1978. 341 s.

24. Jepshtejn M. N. «Priroda, mir, tajnik vselennoj...»: Sistema pejzaznyh obrazov v russskoj poezii = «Nature, the world, the secrets of the universe...»: The system of landscape imagery in Russian poetry. Moskva : Vysshaja shkola, 1990. 303 s.

25. 王家新诗选. URL: <http://www.shigeku.org/shiku/xs/wangjiabin.htm> (data obrashhenija: 14.01.2021)

26. 柏桦. 心灵与背景：共同主题下的影响—论帕斯捷尔纳克对王家新的唤醒 [J].

江汉大学学报（人文科学版），2006（3）.

27. 柏桦. 从模仿到互文—论帕斯捷尔纳克对王家新的唤醒 [J].

中外文化与文论，2008（1）.

28. 陈静.

诗意的检验：论帕斯捷尔纳克精神对中国当代抒情诗之影响 [J].

新疆大学学报（哲学·人文社会科学版），2014（2）.

29. 高昌旭.

瓦雷金诺的生命之音：论《日瓦戈医生》组诗的艺术特色 [J]. 名作欣赏，2017（21）.

30. 霍俊明. 在寒冷的雪中让内心和时代发声—

王家新《帕斯捷尔纳克》欣赏 [J]. 名作欣赏，2008（21）.

31. 罗敏仪.

不合时宜的同时代人—

论王家新诗歌中“雪”的意象 [J].

铜陵职业技术学院学报，2019（3）.

32. 李振声.

“它在要求一个对称”：王家新的踟蹰和犹豫—

重读《帕斯捷尔纳克》 [J].

《长沙理工大学学报(社会科学版)》，2010(6).